

А.А. Банищикова

ИСТОРИОПИСАНИЕ БЕЗ ИСТОРИИ: ЕГИПЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОШЛОГО И ЕГО ФИКСАЦИЯ

В работе характеризуется специфика древнеегипетского восприятия исторического прошлого и создания соответствующих текстов. С одной стороны, для египетской культуры характерен исключительный интерес к прошлому, в том числе к созданию общих его концепций (периодизация, выделение циклов и т.д.), с другой — в ее рамках так и не было до эпохи эллинизма создано собственно истории, т.е. последовательного описания событий какой-то эпохи или даже одного царского правления. Египтяне располагали, с одной стороны, царскими списками, задававшими общую последовательность и имена царей и династий, с другой — отдельными надписями, рельефами, преданиями, посвященными отдельным событиям. В египетской литературе при этом существовал жанр повестей на исторические темы или с историческими фигурами, но с сюжетами, широко включающими фольклорный и беллетристический вымысел; потомки были склонны воспринимать такие сюжеты уже как достоверные в любой степени рассказы о прошлом. В результате египетская картина прошлого представляла собой варьируемую цепь не связанных друг с другом эпизодов, привязанных к фигурам разных царей в рамках общей династической последовательности (причем последняя также могла подпадать под перестановки и модификации в некоторых египетских версиях исторического прошлого страны), и эти эпизоды представляли собой синтез элементов реальной истории, фольклорных и беллетристических мотивов, других вторичных элементов и самых широких контаминаций (порождавшихся тем, что деяния многих царей часто были похожи друг на друга, а сами эти цари нередко были тезками или имели схожие имена).

Ключевые слова: Древний Египет, историописание, царские списки, литература, фольклор

Древний Египет — это цивилизация с очень специфическим восприятием собственной истории и отношением к своему прошлому: при большом внимании государства и образованных людей к исто-

рическому прошлому, обследованию и реставрации памятников и надписей многосотлетней давности, сочинению литературных композиций на темы далекого прошлого и даже разработке концепций периодизации и единообразных циклов собственной истории — египтяне так и не создали жанр истории как нарратива¹.

Исходным источником древнеегипетского интереса к прошлому был прежде всего культ мертвых и культ предков, особенно их поминовения (к нему восходит традиция составления царских списков). Кроме того, надо вспомнить концепты «длинных» временных циклов (1450-летний цикл Сотиса, специальные понятия, обозначающие временную бесконечность²), концептуализирование и периодизацию истории, выросшие из космогонически-этиологических мифов и взглядов на отношения человека с богами (сотворение богами земли, правление богов в Египте, правление полубогов в Египте, продолженное правлениями династий и групп династий, с циклическим повторением благополучных эпох, определявшихся хорошими отношениями с богами и отграниченных друг от друга переломными периодами, когда боги отворачивались от Египта и страна впадала в бедствия, но неизменно налаживала потом отношения с богами и выходила из бед; отсюда и выделение периодов, воспринимавшихся как «золотой век»³). Наконец, интерес к прошлому обострялся свойственной египетской культуре соревновательностью и компаративностью: египтяне стремились постоянно соотноситься с событиями своего прошлого, хранить в памяти общую череду подъемов и крушений Египта, ярких свершений и эпизодов былых времен. Это было присуще не только образованным людям, но и простому народу — поэтому в Египте

¹ См.: *Korostovtsev M.A.* A propos du genre “historique” dans la littérature de l’ancienne Égypte // *Fragen an die altägyptische Literatur*. Wiesbaden, 1977. S. 321; *Redford D.B.* Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the Study of the Egyptian Sense of History. Toronto, 1986. P. XVI–XVII; *Hornung E.* Idea into Image: Essays on Ancient Egyptian Thought. N.Y., 1992. P. 154; *Assmann J.* Ägypten. Eine Sinngeschichte. München, 1996. S. 15–38; *Loprieno A.* Views of the Past in Egypt During the First Millennium BC // “Never Had the Like Occured”: Egypt’s View of the Past. L., 2003. P. 139–141; *Morenz L.D.* Literature as a Construction of the Past in the Middle Kingdom // *Ibid.* P. 101.

² См. обзор: *Hornung E.* Idea into Image. P. 64–70.

³ Правление Снофру для Среднего царства и расцвет самого Среднего царства — для последующих исторических периодов, ср. также: *Kákosy L.* Ideas about the Fallen State of the World in Egyptian Religion: Decline of the Golden Age // *AOH*. 1964. Vol. 17. P. 205–216; *Otto E.* Das “Goldene Zeitalter” in einem ägyptischen Text // *RÉHR*. 1969. P. 93–108.

существовал, помимо письменных литературно-исторических композиций на отдельные сюжеты, богатый фольклор на исторические темы, сохранившийся вплоть до арабского завоевания⁴. Однако по неясным для нас причинам в Египте после III тыс. до н.э. не вели хроник (да и хроника III тыс. — Палермский камень — является прежде всего хроникой ритуальных событий, а не исторических событий вообще), и это радикально повлияло на египетское восприятие прошлого.

Образованный египтянин жил в мире, где он сталкивался с несколькими типами фиксации и отражения прошлого в собственной культуре (главные из них — это царские списки и нарративные беллетристические композиции о каких-то событиях или героях прошлого).

1) Существовали (а) полные списки царских правлений, сгруппированных по династиям (включая параллельно правившие династии), со сроками правлений в годах, месяцах и днях, с указаниями, из какого центра какая династия происходила или где правила, иногда с краткими пометами, подытоживающими целые группы династий (такой царский список от объединения страны до времени своего составления приведен на папирусе времени XIX династии, так называемом Туринском каноне, последние части которого не сохранились). Полным списком, содержащим, однако, только имена царей, является, вероятно, и самый древний из дошедших царских списков Египта вообще: это перечень краснокоронных правителей одного из древнейших египетских протогосударств с центром в Нагаде, правивших в конце IV тыс. до н.э., еще до первого объединения Египта. Этот перечень был внесен первой строкой на так называемый Палермский камень — древнеегипетскую летопись, охватывающую несколько веков до середины V династии [ок. 2400 г. до н.э.], нанесенную на каменную стелу и также содержа-

⁴ Das Pyramidenkapitel in al-Makrizi's "Khitat" / Ed. E. Graefe // LSS. 1911. Vol. 5. S. V–XII; *Maspero G. L'abrégé des merveilles* // *Maspero G. Études de mythologie et d'archéologie égyptienne*. P., 1912. Vol. 6. P. 443–491; *Fodor A. The Origins of the Arabic Legends of the Pyramids* // АОН. 1970. Vol. 23. P. 335–363; *Певзнер С.Б.* Рассказ Ибн Абд ал-Хакама о древней истории Египта // ППВ. 1971 (1974). С. 62–85; *Cook M. Pharaonic History in Medieval Egypt* // SI. 1983. N 57. P. 67–103; *Haarmann U. Medieval Muslim Perception of Ancient Egypt* // *Ancient Egyptian Literature. History and Forms*. Leiden; N.Y.; Cologne, 1996. P. 605–626; *El-Daly O. Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. L., 2005; *Банщикова А.А.* Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке // Восток. 2007. № 1. С. 33–43.

щую имена царей охваченного ей периода⁵. Подобные списки давали некие представления о временах единства, раздробленности, сменах центров государственности. Кроме полных списков, существовали (б) краткие выборочные перечни подлежащих особому почитанию в рамках заупокойного культа царей, подобные Карнакскому списку эпохи Тутмоса III (таких списков дошло менее полудесятка)⁶. Включение какого-либо царя или целой династии в этот список означало признание его значимости, и наоборот — отсутствие упоминаний предшествующих царей или династий означало, что их не считали законными или достойными правителями. Например, Карнакский царский список включает в себя всех представителей фиванской XI династии (даже ее основоположников, еще не имевших царского сана: они добросовестно упоминаются лишь под своими титулами номархов, без царской титулатуры); но цари конкурирующего гераклепольского царского дома и тем более чужеземные гиксосские цари в данный список не включены. Кроме имен царей и их последовательности, другой исторической информации в таких выборочных списках нет.

2) Египтянина окружало огромное количество начертанных у него на виду, на специальных стелах, в храмах и т.д. надписей, а также других памятников (статуй, рельефов) прежних царей, где увековечивались и описывались какие-то отдельные события и комплексы событий далекого и близкого прошлого, иногда с преамбулой, дававшей обзор ближайшей предыстории этих событий. Чиновники, занимавшиеся реставрацией и осмотром старых памятников и гробниц, работали с такими источниками и по должности. По отношению к этим памятникам египтянин находился в том же положении, что и современный историк: он узнавал из них об отдельных громких эпизодах прошлого, но чтобы понять, к какому времени и царю эти эпизоды относятся, имя царя надо было сравнивать с царским списком. Естественно, что при этом легко могло возникать огромное количество ошибок, циклизаций и контаминаций: деяния одного царя могли оказаться приписаны

⁵ Древнеегипетская летопись («Палермский камень») / Пер. Н.С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 14–26; *Черезов Е.В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта // Древний Египет. М., 1960. С. 261–272.

⁶ *Redford D.B.* Pharaonic King-lists; *Baines J.* Review of Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the Study of the Egyptian Sense of History by Donald B. Redford // BASOR. 1991. N 284. P. 92–93.

другому, одноименному или с похожим именем; свершения или бедствия сходного типа, происходившие в разные века, могли контаминироваться. Наконец, поскольку памятники рисовали не всю историю данного царя или периода, а лишь отдельные яркие эпизоды, недостающее «достраивалось» в воображении египтян по наведению от имеющегося, часто с преувеличениями и применением фольклорно-беллетристических моделей.

Так, устройство государства Сенусертом I и завоевания Сенусерта III в начале II тыс. до н.э. привели к тому, что за следующую тысячу лет в представлениях египтян появился устроитель-мирозавоеватель Сенусерт (греч. Сесострис), соединивший в своем лице образы обоих названных фараонов, а потом и поглотивший реминисценции завоевательных деяний более поздних царей — в частности, когда ливиец — фараон Шешонк — также оказался после периода слабости переустроителем и завоевателем, воспоминания об этом слились с образом Сенусерта-Сесостриса, так что последний в итоге получил в традиции вариативное имя «Шешонк» (греч. Сесонхосис); в конце концов этому персонажу, как мудрому устроителю всего, приписывали уже и открытие езды на лошадях.

Общего же представления об истории какого-либо царя или периода из таких памятников почерпнуть было нельзя: для этого потребовалась бы исследовательская работа, подобная современной.

3) Аналогичным образом существовало большое количество литературных композиций, где фигурировали отдельные герои и события прошлого (часто в них не было от прошлого ничего, кроме имен действующих лиц, а сюжет был сугубо фольклорно-беллетристическим, вневременным). К ним примыкали аналогичные произведения устного фольклора. Часто за такими композициями стояли в конечном счете те самые монументальные надписи, откуда черпались имена, некоторые коллизии и реалии, используемые далее в сюжетах указанных композиций. Как показывают рассказы Геродота о египетской истории и сочинение Манефона, грань между беллетристическим и историческим в таких композициях в восприятии египтян стиралась: если первый автор беллетризованной композиции на исторические темы знал, что он взял из прежних сочинений, а что придумал сам, то спустя десятилетия и века вся композиция уже воспринималась как достоверный рассказ о прошлом.

4) Существовали отдельные трактаты так называемой «литературы мудрости» (жанр, включающий сочинения о правильном поведении человека или правителя или о судьбах страны, беспорядках

в ней и необходимости их преодоления, например, поучение для Мерикара, пророчество Неферти, речи Ипувера во II тыс. до н.э.; демотический сюжет о «пророчестве ягненка» в I тыс. до н.э.), упоминавшие исторические потрясения, в том числе распады страны на переломах эпох, а также благих правителей, выведивших из этих потрясений (Неферти), или плохих правителей, усугублявших их (Ипувер). Эти трактаты проводили общие концепции длинных циклов египетской истории и их граней. Такие трактаты давали читателю модели, под которые можно было подстраивать и другие реминисценции прошлого, — так что любые бедствия могли ассоциироваться с нечестивостью правителя, при котором они происходили (как, например, в сюжете о прокаженных у Манефона и Херемона), а любой правитель поры бедствий накануне их смены стабильностью мог рассматриваться задним числом как спаситель-переустроитель, зачинатель нового цикла стабильности (как, например, царица Таусерт, воспоминания о которой отразились в средневековом арабском повествовании о царице Далуке⁷).

В итоге получалось, что в распоряжении египтян был «скелет» их собственной истории в виде царского списка и множество упоминаний отдельных эпизодов прошлого: как первичных упоминаний — на монументальных памятниках, — так и вторичных, в составе литературно-исторических композиций, причем эти эпизоды могли перемещаться «вдоль» царского списка, контаминироваться, циклизываться и, наконец, «достраиваться», дополняться фольклорными и беллетристическими деталями, впоследствии воспринимавшимися как исторические, или преобразоваться в духе общих египетских концепций циклов собственной истории. Образованные египтяне из поколения в поколение множили число подобных литературно-исторических композиций, но это не меняло главного: история представляла для них как сочетание жесткого (и исторически весьма достоверного) списка царей с возроставшим массивом разрозненных беллетризованных и фольклоризованных сюжетов, привязывавшихся к этому списку, но зачастую нежестко, с достаточной свободой смещений и сращиваний, а сами эти сюжеты были вариативны и исключительно пластичны в смысле перекомпоновки, дополнения и насыщения их чисто фольклорными элементами. Поэтому иной раз в таких композициях вообще появляются вымышленные фараоны. Подобная ситуация крайне затрудняла пере-

⁷ Банщикова А.А. Мотивы древнеегипетского фольклора.

ход к настоящему историописанию, и он так и не состоялся в независимом фараоновском Египте — что парадоксальным образом сочеталось с исключительным интересом к прошлому, реализовавшимся, однако, лишь в рамках изложенной модели⁸.

Редкое произведение из числа древнеегипетских нарративов обходится без упоминания каких-либо исторических или квазиисторических фигур. Иногда всё действие произведения проходит перед глазами или при участии вполне историчных правителей (таковы, например, «Сказки папируса Весткар»). В некоторых случаях сам главный герой является персонажем, известным нам из египетской истории, например, принц Сатни-Хемуас, четвертый сын Рамсеса II, — герой одноименных циклов сказаний (сюжеты их, однако, сугубо фольклорны). Иногда просто указывается, при каком реальном царе происходит действие, и это может иметь большое значение для сюжета («Рассказ Синухета»). Наконец, имя царя может быть вымышленным («Мери-Ра и фараон») либо использоваться «произвольно», в сюжете, лежащем вне какой-либо связи с реальными деяниями этого царя («Царь Рампсинит [Рамсес III. — А.Б.] и неуловимый вор»).

Для примера кратко скажем о трех произведениях, рисующих разные эпохи египетской истории: «Сказки папируса Весткар», сложенные в конце Древнего или начале Среднего царства, рисуют прошлое примерно полутысячелетней давности — время правления IV династии, Снофру и Хуфу; «Сказка о гиксосском царе Апопи и фиванском царе Секененра» появилась в XIII в. до н.э., а рассказывает о временах гиксосского владычества за 300 лет до того; сюжет о мирозавоевателе-устроителе царства Сенусерте-Шешонке сложился к середине I тыс. до н.э. и известен в греческой передаче (где греческими транскрипциями этих двух имен являются, соответственно, «Сесострис» и «Сесонхосис», см. выше), а восходит прежде всего к деяниям двух Сенусертов XII династии, правившей

⁸ Интересно сравнить такой способ воспроизведения исторической памяти с подлинной историографией, все-таки оформившейся уже в поликультурном Египте второй половины I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. (и представленной, в частности, знаменитым Манефоном, см.: *Baines J. Ancient Egyptian Concepts and Uses of the Past: 3rd to 2nd Millennium B.C. Evidence // Who Needs the Past? Indigenous Values and Archaeology. L., 1989. P. 131; Loprieno A. Le Pharaon reconstruit. La figure du rois dans la littérature égyptienne au Ier millénaire avant J.C. // BSFE. 1998. N 142. P. 13–14; Loprieno A. Views of the Past in Egypt. P. 139–141).*

за полторы тысячи лет до формирования самого сюжета. И вот, несмотря на разницу во времени записи этих трех сюжетов, равно как и во временном расстоянии между их формированием и теми событиями прошлого, которые в них отражены, — эти произведения не обнаруживают каких-либо различий в характере фиксации и преобразования исторических сведений.

В «Сказках папируса Весткар» сюжет заключается в том, что царя Хуфу-Хеопса развлекают рассказами о волшебстве и демонстрациями волшебства⁹. Тут есть и жрец-маг, уничтожающий любовника своей жены при помощи воскового крокодила, превращающегося в настоящего, и добыча утонувшей подвески для наложницы фараона Снофру путем магического подъема вод, и воскрешение мертвых чародеем. Вместе с тем действующими лицами являются реальные цари и царевичи IV и V династий, причем правильно определены их родственные связи; основатель IV династии Снофру противопоставлен как совершенно благой царь довольно зловещему Хуфу, чьи недостатки, по имплицитной концепции сказок, и предопределили, несмотря на все его ухищрения, переход власти от его династии к следующей, V-й, о магическом рождении первых представителей которой тоже говорится в сказке. Аналогичный подход к IV династии в заостренном виде застал у египтян пятнадцать веков спустя Геродот.

В рассказе о гиксосе Апопи и фиванце Секененра (сохранилось только начало) общий сюжет чисто фольклорный: гиксосский царь Апопи, чтобы поставить в тупик и унижить зависимого от него фиванского царя Секененра, присылает ему подчеркнуто унижительное своей абсурдностью требование (избавить Апопи от рева фиванских гиппопотамов, которые не дают ему спать, — при сотнях километров расстояния от Авариса до Фив), а Секененра не знает, как из этой ситуации выпутаться¹⁰. Это классический, имеющий многочисленные параллели сюжет о царском обмене

⁹ Публ.: *Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westcar. B., 1890; см.: *Jenni H.* Der Papyrus Westcar // SAK. 1998. N 25. S. 113–141; *Hays H.M.* The Historicity of Papyrus Westcar // SAK. 2002. N 129. S. 20–30.

¹⁰ Публ.: *Gardiner A.H.* Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. P. 85–89, 85a–89a; см. *Redford D.B.* The Hyksos in History and Tradition // *Orientalia*. 1970. N 39. P. 35–39; *Störk L.* Was störte den Hyksos am Gebrüll der thebanischen Nilperde? // *GM*. 1981. Bd. 43. S. 67–68; *Goedicke H.* The Quarrel of Apophis and Sekenenra. San Antonio, 1986; *Немировский А.А., Банщикова А.А., Сафронов, А.В. и др.* Гиксосы и гиксосское правление в исторической традиции египтян. М., 2016. Ч. 1 (в печати).

загадками: могучий царь стремится озадачить и припугнуть или унижить более слабого царя загадочным посланием, но тому удастся различными хитроумными способами выйти из положения; этим и кончается дело. Однако и сами цари — реальные гиксосский и фиванский цари XVI в. до н.э., — и ситуация в Египте их времени передана автором сказки подробно и совершенно правильно: он в деталях сообщает, что единого царя в Египте нет, на севере сидят гиксосские сюзерены, на юге — их фиванские вассалы, и те, и другие — с царским титулом и пороговой легитимностью, однако неполноценные по статусу в сравнении с нормативным для Египта единым общеегипетским владыкой (это специально оговаривается). В сказке благочестивый Секененра поклоняется Ра, а нечестивый Апопи — только Сету; хотя дословно это и неверно (исторический Апопи также поклонялся Ра), на некотором уровне и это сообщение все же коррелирует с истиной: богом-покровителем гиксосской столицы Авариса и гиксосской династии действительно был Сет, а богом-покровителем Фив — Амон, отождествленный с Ра.

Оба произведения демонстрируют типичный для фиксации прошлого в египетской традиции сплав исторических реминисценций с фольклорными и литературными составляющими¹¹.

¹¹ При этом двумя главными направлениями модификации исторических основ сюжетов являлись фольклоризация и беллетризация реальности. **Фольклоризация реальности** — это преломление ее в духе адаптации к набору фольклорных представлений. Например, ситуацию взаимодействия сильного правителя-сюзерена и слабого правителя-вассала хорошо отражает топос о царском обмене загадками, когда более сильный правитель пытается испугать или унижить слабого, загадав ему не имеющую логического решения загадку. Именно этот топос наложился на отношения гиксосских правителей Авариса и их фиванских вассалов: такую загадку мы видим в «Сказке об Апопи и Секененра». Еще пример: если в реальности мы имеем дело с ситуацией военного бессилия страны и невозможности защититься с помощью реальной армии, то в нарративах о таком страшном периоде в ее истории будут фигурировать нереальные средства защиты — магические изображения и фигурки (рассказ о царице Далуке, рассказ Псевдо-Каллисфена о царе Нектанебе и другие истории). **Беллетризация реальности** — это внесение новых, при этом не специфически фольклорных моментов фабулы с целью создать как можно более интересное и драматичное повествование. Нарративам о прошлом страны не чужда художественная составляющая: особенно сильно она выражена в текстах с изначальной «сказочной» природой и в текстах, наиболее далеко отстоящих от описываемых событий хронологически. В первом случае, как, например, в «Сказке об Апопи и Секененра» или в «Сказках папируса Весткар», она является центральной, т.е. цель произведения — рассказать интересную историю, используя исторических персонажей, а не донести

Сюжет о Сесострисе (изложенный у Геродота, Диодора и Дикеарха, а сформировавшийся окончательно в египетской учено-жреческой традиции около 500 г. до н.э. после нескольких веков развития) являет собой противоположный полюс: здесь нет беллетристических и фольклорных мотивов, но есть невероятная контаминация, циклизация, временная транспозиция и насыщение текста этиологическими и эсхатологическими концептами¹². Сесострис (т.е. Сенусерт), он же Сесонхосис (т.е. Шешонк) — фараон, правивший в Египте не то в середине его истории, не то вообще в начале времен; он дал Египту все его законы и завоевал почти весь мир вплоть до скифов на его северном пределе включительно, поставив на границах своих завоеваний стелы с изображениями, укоряющими трусов и прославляющими храбрцов, и построив стену, защищавшую Египет от Азии. Не то он, не то бог Хор впервые догадался, что на лошадях можно ездить.

За этим синтетическим рассказом стоят: деяния Сенусерта I и его отца Аменемхета I, переустроивших в XX в. до н.э. Египет после трехсотлетнего периода нестабильности и реформировавших социальную систему и многие другие сферы жизни; деяния единственного крупномасштабного завоевателя за 700 лет (с конца III по середину II тыс. до н.э.) Сенусерта III, который действительно ставил на рубеже своих завоеваний в Нубии стелы с громкими надписями, поносящими трусость и прославляющими доблесть (XIX в. до н.э.); объединение и переустройство страны, а также возобновление азиатской экспансии ливийским фараоном Шешонком (X в. до н.э.); строительство стен, защищавших от азиатов, за полтора века до Сенусерта I; чисто этиологические неисторические элементы (одомашнивание лошади); победы Тутмоса III и Рамсеса II над странами, по тогдашним понятиям египтян составлявшими северную

до читателя сведения исторического характера, поданные как занимательный рассказ. Во втором случае исторические сведения настолько сублимируются и теряют актуальность, что остаются только фольклорные и полufольклорные элементы, нанизанные на общее представление о характере периода, которое тоже, впрочем, выражается фольклорными моделями. В таких текстах появляются диалоги исторических персонажей, цитируются их письма друг другу, гораздо большее внимание уделяется их личностям, и тон повествования очень эмоциональный.

¹² *Malaise M. Sésostris, pharaon de légende et d'histoire // CdÉ. 1966. Vol. 41. P. 244–272; Lloyd A. Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // Historia. 1982. Vol. 31, N 1. P. 33–55; Иванчик А.И. Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4–36.*

окраину мира; наконец, чистая пропагандистско-тщеславная выдумка, приведшая в этот сюжет скифов после неудачного похода Дария против них: Дарий-де не смог их покорить, а египетский царь — смог. В этом рассказе характерно именно сочетание крайней синкретичности и неисторичности итогового образа с полной историчностью создающих его деталей (никаких беллетристических и фольклорно-развлекательных моментов здесь нет).

Таким образом, в фараоновском, независимом Египте, в общем, не сложилось историописания в его классическом виде, подобного произведениям логографов, Геродота и Фукидида. Мы наблюдаем парадоксальную картину «историописания без истории», т.е. передачи исторических сведений, практически не прибегающей к последовательной записи событий вне пределов изолированных эпизодов. Формирование египетского историописания шло прежде всего за счет комбинирования достаточно скудных данных собственно исторического характера (прежде всего царских списков) с уже существовавшими литературно-историческими композициями на отдельные сюжеты и разрозненными данными заинтересовавших кого-то памятников; в таких композициях с самого начала была велика доля сознательного беллетристического вымысла, исторического и даже неисторического фольклора, вплоть до волшебной сказки, которая только использует исторических по происхождению персонажей, вообще не интересуясь их действительными деяниями. Это та форма существования традиции о прошлом страны, которая сложилась в Египте и так и не переросла за тысячи лет в более привычную нам систему, подобную античному историописанию, ставящему своей целью «сквозное», последовательное изложение всей истории какого-то коллектива или региона или какого-либо из ее этапов. Первым сочинением такого рода, составленным египтянином, стала лишь знаменитая история Египта Манефона (ок. 300 г. до н.э.), написанная по-гречески, для грекоязычных читателей и с намеренной ориентацией на греческие образцы исторических трудов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Баницикова А.А.* Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке // Восток. 2007. № 1.
- Древнеегипетская летопись («Палермский камень») / Пер. Н.С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.

- Иванчик А.И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4.
- Немировский А.А., Баницикова А.А., Сафронов, А.В. и др.* Гиксосы и гиксосское правление в исторической традиции египтян. М., 2016. Ч. 1 (в печати).
- Певзнер С.Б.* Рассказ Ибн Абд ал-Хакама о древней истории Египта // ППВ. 1971 (1974).
- Черезов Е.В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта // Древний Египет. М., 1960.
- Assmann J.* Ägypten. Eine Sinngeschichte. München, 1996.
- Baines J.* Ancient Egyptian Concepts and Uses of the Past: 3rd to 2nd Millennium B.C. Evidence // Who Needs the Past? Indigenous Values and Archaeology. L., 1989.
- Baines J.* Review of Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the Study of the Egyptian Sense of History by Donald B. Redford // BASOR. 1991. N 284.
- Cook M.* Pharaonic History in Medieval Egypt // SI. 1983. N 57.
- El-Daly O.* Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings. L., 2005
- Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westcar. B., 1890.
- Fodor A.* The Origins of the Arabic Legends of the Pyramids // АОН. 1970. Vol. 23.
- Gardiner A.H.* Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932.
- Goedicke H.* The Quarrel of Apophis and Sekenenra. San Antonio, 1986.
- Haarmann U.* Medieval Muslim Perception of Ancient Egypt // Ancient Egyptian Literature. History and Forms. Leiden; N.Y.; Cologne, 1996.
- Hays H.M.* The Historicity of Papyrus Westcar // SAK. 2002. N 129.
- Hornung E.* Idea into Image: Essays on Ancient Egyptian Thought. N.Y., 1992.
- Jenni H.* Der Papyrus Westcar // SAK. 1998. N 25.
- Kákósy L.* Ideas about the Fallen State of the World in Egyptian Religion: Decline of the Golden Age // АОН. 1964. Vol. 17.
- Korostovtsev M.A.* A propos du genre “historique” dans la littérature de l’ancienne Égypte // Fragen an die altägyptische Literatur. Wiesbaden, 1977.
- Lloyd A.* Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // Historia. 1982. Vol. 31, N 1.
- Loprieno A.* Le Pharaon reconstruit. La figure du roi dans la littérature égyptienne au Ier millénaire avant J.C. // BSFE. 1998. N 142.
- Loprieno A.* Views of the Past in Egypt During the First Millennium BC // “Never Had the Like Occured”: Egypt’s View of the Past. L., 2003.
- Malaise M.* Sésostris, pharaon de légende et d’histoire // CdÉ. 1966. Vol. 41.
- Maspero G.* L’abrégé des merveilles // *Maspero G.* Études de mythologie et d’archéologie égyptienne. P., 1912. Vol. 6.
- Morenz L.D.* Literature as a Construction of the Past in the Middle Kingdom // “Never Had the Like Occured”: Egypt’s View of the Past. L., 2003.

Otto E. Das "Goldene Zeitalter" in einem ägyptischen Text // RÉHR. 1969.
Das Pyramidenkapitel in al-Makrizi's "Khitat" / Ed. E. Graefe // LSS. 1911. Vol. 5.
Redford D.B. The Hyksos in History and Tradition // Orientalia. 1970. N 39.
Redford D.B. Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the
Study of the Egyptian Sense of History. Toronto, 1986.
Störk L. Was störte den Hyksos am Gebrüll der thebanischen Nilpferde? // GM.
1981. Bd. 43.

Anastasiya A. Bانشchikova

HISTORICAL WRITING WITHOUT HISTORY: THE PERCEPTION AND THE RECORDING OF THE PAST IN ANCIENT EGYPT

The paper treats the general character of ancient Egyptian apprehension and representation of the country's history. Egyptians were greatly interested in their historical past: they created numerous literary compositions on historical topics; included historical figures into stories with fully invented novelistic plots; preserved and knew well general schemes of Egyptian history (in the form of king-lists which formed a kind of periodization and provided their readers with knowledge of names and succession of the kings) including theoretical concepts of large historical cycles. Nevertheless they have never created a real history (narratives tracing large periods of time or at least a single reign throughout all its course) because of the specific character of their sources: on the one hand, monuments and literary compositions dedicated to various events but irrelevant to the proper place of these events on the timescale, and, on the other hand, Pharaonic king-lists which gave the dynastic timeline on the whole but almost did not include events. Their combination was out of their possibilities or inclinations till the Hellenistic epoch. As a result Egyptian picture of the past was a chain of episodes within rather firm frames of general dynastic scheme (but the latter was also liable to modifications, transpositions and resulting variability), while these episodes themselves synthesized some elements of real history together with folklore models, belletristic inventions and vast contaminations (stimulated even more by the fact that deeds of many kings were similar to each other and their names were often similar or identical).

Key words: Ancient Egypt, historical writing, king-lists, literature, folklore